

ИЗ АРМЯНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ ГРУЗИИ

Кандидат филол. наук П. М. МУРАДЯН

Канда

По описанию историка первой половины XVIII в. Вахушти, «...Северный склон горы Саркинети до подошвы Канда-цихе суть [места] виноградных садов, плодоносные, травяные и лесистые, а в Цихидзири стекает Ксани»¹. Эти природные условия, разумеется, не могли остаться незамеченными, и поселение Канда (теперь, собственно, Дзвели Канда—Древняя Канда) с XII в. неоднократно упоминалось в древнегрузинских документах. В «Завещании» Давида Строителя Канда не названа, но, по определению акад. Н. А. Бердзенишвили, «царский коворник (сапурне) находился в Канде»². Согласно грамоте Георгия III от 1170 г., преемник Давида Строителя царь Деметре (1125—1156 гг.) превратил Канду в «пристанище охотников»³ (разумеется, владетельных, ибо она входила в царский домен). Столетием позже, в 70-х годах XIII в., Зосима Тахойсдзе у растца Мчедлисдзе приобрел обрабатываемую «за два дня» («ори дгис мица»—арм. «ерку оравар») землю под Кандой и подарил братии Шиомгвимского монастыря⁴. Из текста «Доходов моурава города», составленного в предпоследней декаде XVIII в., становится известным, что из Канды в Тбилиси на продажу привозили сушеную рыбу («хмели тевзи»), притом в довольно большом количестве, ибо податная доля моурава взималась по арбам (уреми)⁵. В древности для орошения земель близлежащих сел из Канды брали воду, и следы канав, по словам Н. А. Бердзенишвили, «и теперь хорошо прослеживаются»⁶.

Таким образом, принадлежавшая царскому домену Канда была наделена множеством благоприятных для ее развития природных условий, позволивших жителям заниматься как скотоводством (особенно зимой) и охотой, так и виноградарством и рыболовством.

Нужно полагать, что армяне в Канде оказались не без ведома или, точнее, быть может, по распоряжению правителей Грузии, принимав-

¹ ქ. ც., IV, 351.

² ნ. ბერძენიშვილი, საქართველოს ისტორიის სპეციალური ტ. VIII, თბ., 1975, გვ. 343.

³ ქ. ს. ძ., II, თბ., 1965, გვ. 23.

⁴ ქ. ს. ძ., III, თბ., 1970, გვ. 166—167.

⁵ ქ. ს. ძ., II, 495.

⁶ ნ. ბერძენიშვილი, указ. соч., т. 1, стр. 415. Собственно, на это указывает и само название деревни «Канда», восходящее к новоперсидскому kande. Подробнее см. П. М. Мурадян, Персидский термин kanda/kande по армяно-грузинским источникам, «Историко-филологический журнал», 1980, № 4, с. 262—268.

ших армян еще и потому, что они проявляли большое усердие в экономическом развитии края. К сожалению, в источниках нет сведений о начале постепенной инфильтрации или об одновременном переселении армян в Каиду. Собственно, если бы не приводимая ниже надпись, мы бы вовсе не знали, что они там были начиная с XV в.⁷ Надпись эта сохранилась в кладке северной стены армянской церкви св. Богородицы. В средней части плиты орнаментально изображен крест, окруженный текстом надписи. Правая половина текста читается довольно хорошо. Левее же креста имеются небольшие лакуны. Резчик был ограничен рамками плиты и нередко прибегает к лигатурам и вязи. Но унциальные буквы выведены достаточно крупно и отличаются четкостью. По всему видно, что резчик хорошо знаком как с традицией распределения текста по площади, так и с каллиграфией подобных надписей (рис. 1).

+ Ի ԹՎԻՆ շԱՅՈՑ ԶԻ ԵՄՍ Տ(Է)Ր
 Ա(ԱՏՈՒԱ)ՍԱՏՈՒՐՍ ԵՒ ՈՐԳԻՍ ԻՄ ԽԱԶ-
 ԱՏՈՐ ԵՒ ԳԱՐԻԹՅՈՒ ԵՒ ՇՈ-
 ԴՈՐ ԱՌ Ս(ՈՐՐ)Բ Ա(ԱՏՈՒԱ)ՍՍ
 ԵՂՐԱՐՔԻ ԻՄ, ԴՈՐՍ Է ԴՍԴԱՐԳԻՍ-
 Ի, ԱՐԳԱՐԱՔԻ ԵՒ ԱՄԻ... ԷՍ
 ՇԻՆՅԱՔ Ս(ՈՐՐ)Բ Ա(ԱՏՈՒԱ)ՍԱՏՈՒՐՍ
 ՎԱՍՆ ՇՈԳՈՑ ՄԵՐՈՒՅՑ ԵՒ
 ՍՆՈՂԱՅՆ ԱՄԷՆ

Перевод: «В лето армянское 920 (=1471). Я, священник Астуацатур, и сын мой Хачатур и Давид и духовные мои братья во Христе, конми являются Саркис, Саркаваг и Амил...эль, построили эту [церковь] св. Богородицы во имя, [спасения] души нашей и родителей. Аминь».

С филологической точки зрения в надписи имеются интересные отклонения от норм книжного древнеармянского языка, а именно:

1. Слово *հայոց* представлено в форме *հայոց*, что никак нельзя считать случайным пропуском графемы *յ*, ибо в армянской эпиграфике есть несколько аналогичных отклонений (Гарни, Норатук и др.)⁸.

2. Та же графема пропущена в слове *հղրայրքի*. Следовательно, в надписи сказалось влияние разговорной речи с ее склонностью к упрощению дифтонга *այ > а*⁹. Вместо литературного *որք են* имеем *որս է*, т. е. форму вып. падежа вместо им. и ед. числа вместо мн. (*է—են*).

3. Превратившийся в имя собственное термин *սարկաւազ* составителем текста произносился *սարկաւաг*, т. е. имел место переход звонкой фонемы в глухую—*զ > г*.

⁷ О существовании этой надписи в специальной литературе нет сведений. Несколько лет тому назад ее заметил и сфотографировал С. Дарчинян.

⁸ См. *Ս. Ա. Ավագյան, Վիճակի արձանագրությունների հնչյունաբանություն, Երևան, 1973* (хронологическая таблица в конце книги); ср. *Պ. Մ. Մուրադյան, «Տուհայ գուտարի» տեղորոշման հարցի շուրջ, «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1979, № 1, էջ 247*.

⁹ Ср. *Գ. Բ. Զաչեղյան, Հայ բարբառագիտություն և բանասիրություն, Երևան, 1972, էջ 164*.

4. Вместо ожидаемого *շինեցաք զսիրք Աստուծո՞ւնի* налицо форма без показателя вин. падежа, что, по-видимому, опять-таки обусловлено влиянием живой речи¹⁰.

5. По той же причине слово *հոգի* в род. падеже мн. числа представлено в виде *հոգոց* (литературная форма — *հոգւոց*).

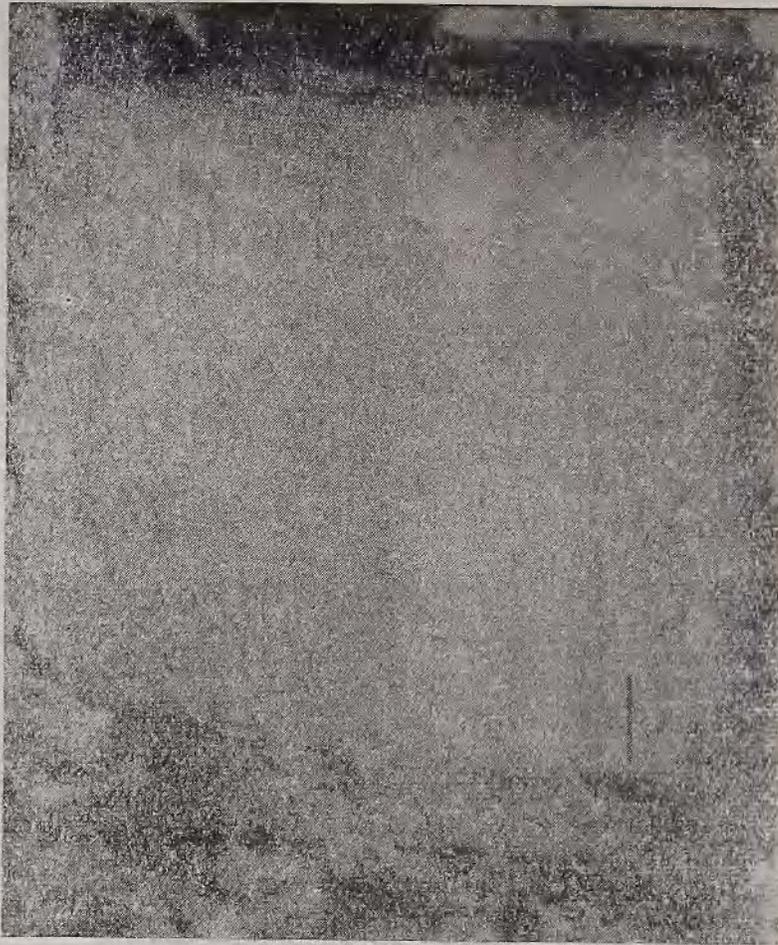

Рис. 1.

6. В надписи проявляется некоторая склонность к частому применению показателя определенности *ի*. Так, имена *Դաւիթի*, *Սարգիսի*, *Սարգիսի* могли и не иметь этот показатель, а в слове *ծնողացի* он вовсе необязателен.

Отмеченные особенности, однако, не позволяют заключить, что составитель текста недостаточно владел литературным армянским языком, ибо для XV в. отклонения подобного характера встречаются даже

¹⁰ См. там же, с. 175.

в надписях крупных монастырских центров коренной Армении, не говоря уже о рукописных разночтениях. Но вместе с тем следует заметить, что сильное влияние живой речи могло быть вызвано меньшей привязанностью к традиционным нормам, а этому в значительной степени способствовала оторванность от армянской литературной среды. При этом нужно полагать, что эта оторванность не имела долгой предыстории, иначе следовало бы ожидать ощутимого влияния грузинского языка, чего в тексте нет. Частое обращение к показателю *h* характерно для некоторых армянских диалектов, например баязетского, однако этого недостаточно, чтобы армян Канды считать выходцами именно из «Старого Баязета», т. е. из области, находящейся юго-западнее горы Арарат (области Масацотн).

При разрешении вопроса о времени и причинах образования поселения армян Канды следует учитывать данные, содержащиеся в дарственной грамоте ксанского эристава Шалвы Квенипневели от 1470 г.¹¹ Она примечательна тем, что составлена всего за год до нашей надписи и, что еще существеннее, относится к ксанскому эриставству. Согласно сообщениям Шалвы, он за годы своего правления этой административной единицей возобновил или основал несколько деревень—Ахалубани, Иврети, Ередай, Куртай и др. Одновременно отмечается, что село Ахалубани основано на необитаемом до того месте, Иврети лежало в развалинах после арабского правителя Мурвана (30—40-е гг. VIII в.)¹², пустыми были Ередай, Куртай и другие¹³. К тому же автор грамоты констатирует следующее: «Из нашей же вотчины мною не убавлен ни один глехи: всех людей привел из других мест и тем возобновил пустые деревни»¹⁴. Располагая таким прямым свидетельством, мы вправе предположить, что под «другими местами» подразумеваются и некоторые армянские провинции. Во всяком случае, армяне Канды, как было отмечено при филологическом анализе текста надписи, у берегов реки Ксани оказались незадолго до создания рассматриваемой надписи.

На это указывает еще одно обстоятельство: как правило, строительные надписи начинаются шаблонной фразой благословения, а затем именуется цари или правители страны, порой и духовные предводители, после чего дается дата строительства. Армянская же надпись Канды опускает ожидаемую традиционную часть и начинает с даты. Не значит ли это, что, будучи недавними переселенцами, строители-армяне еще не успели вписаться в местную политическую обстановку, еще не сориентировались в происходивших событиях, особенно если иметь в виду сложную борьбу за власть в стране?¹⁵ Как известно, в 1465/6 г. атабек Куаркуаре взял в плен царя Георгия, и царь Багра

¹¹ *ქ. ს. ძ.*, II, 138—143.

¹² О злодеяниях Мурвана рассказывают многие источники, в том числе древнегрузинские (см. *ქ. ს. ძ.*, I).

¹³ *ქ. ს. ძ.*, II, 140—141.

¹⁴ Там же, с. 143.

¹⁵ *სმ. ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია*, ტ. IV, თბ., 1967, გვ. 94—201.

VI, воспользовавшись создавшейся ситуацией, из Западной Грузии перешел в Картли и занял вакантное царство. В 1468 г. он именовал себя царем «абхазов, картлов, ранов, кахов и армян»¹⁶, спустя два года его называл царем царей эристав Шалва¹⁷, но Баграт не мог быть уверен в своем безраздельном правлении, ибо слишком сильны были центробежные стремления. Самостоятельность царства Кахети, атабеков Самцхе, правителей Самегрело и приближение с юга (из Северной Армении) полчищ Узун-Асана делали его титулатуру нереальной¹⁸.

В силу вышеизложенного армяне Канды могли и не знать, что творится в стране Картли, и воздержаться от поименного названия царей в надписи. Тут возможна и другая интерпретация: они, спасенные от тирании занявших Армению войск Узун-Асана и приютившиеся в гостеприимном царстве Георгия, оставались признательными приверженцами взятого в плен царя, а поскольку в 1471 г. этого нельзя было выразить, то вообще отказались от трафаретного начала надписи.

Строителями армянской церкви в Канде, по свидетельству надписи, являются, кроме Астуацатура, его сын (сыновья?) Хачатур, Давид, духовные братья Саркис, Саркаваг и Ами...эль, из коих четверо названы церковнослужителями. Следовательно, в Канде обосновался приход священника Астуацатура, и поскольку они приступили к строительству культового сооружения в сотрудничестве с остальными служителями культа, то можно заключить, что переселение было осуществлено организовано, всей сельской общиной.

Обосновавшиеся в Канде переселенцы поддерживали контакты с соотечественниками в других поселениях Картли, что способствовало сохранению их этнокультурной самобытности. В частности, они могли интенсивно общаться с армянами в Мухрани, Цихисдзири, Ахалгори и Гори. В этом отношении примечателен следующий факт. Предназначенная для обители Григория Просветителя в с. Бредза рукопись Евангелия (1469 г.) за одно столетие по каким-то причинам пострадала и стала дефектной¹⁹. Она была возвращена в Гори и по просьбе духовно-

¹⁶ См. там же, с. 94; ср. *А. С. Д.*, II, 137.

¹⁷ *А. С. Д.*, II, 140.

¹⁸ Ср. *ივ. ჯავახიშვილი*, указ. соч., с. 110—111. По сообщению так называемой «Парижской хроники», Узун-Асан в 1455 г. напал на Картли, «уничтожил и угнал в плен (ივან-ყო) до [самого] Ташискური». — см. *ცხოვრება საქართველოს (პატივის ქონიკა), გამოსცა ვიქტორ ალასანიძე*, თბ., 1980, გვ. 39. О событиях предшествующих десятилетий рассказывает Фома Мецопеци (см. *თამა მეწოდელი, თარგმანი, შესავალი წერილი და კომენტარები პრაფ. ლ. მელიქსეთ-ბეგისა*, თბ., 1937). О политической истории Картли интересующего нас периода см. *ჯუშბერ თდიშელი, აღმოსავლეთ საქართველოს პოლიტიკური ისტორიისათვის, XIV—XVIII სს. რამდენიმე ქართული ისტორიული დოკუმენტი*, თბ., 1964, გვ. 82—85 (на с. 118—119 дана генеалогическая таблица царей Восточной Грузии).

¹⁹ Жители с. Бредза ныне называют армянской церковь св. Георгия, в которой похоронены представители рода Мухеловых (Мухелишвили). Если исключить возможность существования еще одной армянской обители, то, надо полагать, со временем, в процессе огрузинения армян Бредзы св. Григорий был осмыслен (заменен?) как св. Георгий в силу исключительной популярности культа последнего в грузинской среде.

то предводителя армян Грузии архиепископа Хачатура дополнена и обновлена и отправлена в Канду (1584 г.). Из записи писца Барсега видно, что сам архиепископ Хачатур был выходцем из Канды:

Արդ, զրեցաւ զպակասութիւն սր Աւետարանիս ի դռն և զժար ծածանակիս, որ դարացան խանթրեցիքն (sic!) և ելեալ մինչև ի Դարբանդ բրտնեցին: Եւ պարոն Սիմոն չկարացին հնազանդեցուցանել. խիստ շատ կոտորումն արար Հոռմի հեծելին 2 տարի է, որ պատերազելիս (sic!) է, դոռ հնազանդել չէ ի թվին ՍԷՎ, ի գրեզարադարս, որ կոչի Դարի, ի դռն տիրամայր Աստուածածինն, ի կաթողիկոսութեան տեառն տէր Աստուծոյ. ի թաղաորութեանն Վրաստանապարոն Սիմոնի, ի խնդրոյ հաւատուր սրբաւոր և սուսակրտաւ արհեստագործի՝ իշխատակ Հոգոյ խորոյ և ծնաւդաց իւրոց՝ հարն Շարարին և մարն, և եղբարն Վարդանին և այլ ամենայն յարեան մերձաորաց, առ հասարակ կենդանեաց և ննջեցելոց, առ հասարակ մեծի և փոքու: Եւ ետ անջինչ յիշատակ մտխրան ի բնիկ գաւառն իւր, որ կոչի Թանդայ՝ ի վայելումն եղբար սրբոցն Կիրակոս սարկաւարդին (sic!). զոր և տէր աստուած ի կարոյ բաժանալութիւն (sic) հասուցանն և սայելի տացէ մինչև ի խորին ծերութիւնն Ա.Մ.Ն:

Արդ, երեսանկեալ աղաչեմք զձեզ, ով սուրբ բաժանայր, որը հանդիպիր սր Աւետարանիս կարգալով կամ տեսանելով՝ ի սրտիս և առատ բերանով ողորմի հրամայեցէք պարոնտէր խաչատուրին և հողեոր ծնաւդին՝ պարոնտէր Դաթին և սարմնաուր ծնաւդացն՝ հարս և մարն, բլերացն և եղբարացն առ հասարակ, ամէն...

Եւ ես մեղաւք խաւարեալ մականուն Բարսեղոս աղաչեմք անմեղադիր լերուր խոշորութեան զրոյս և սխալանացս, զի մեր այս էր...

Ո՛հ, որ շար ծամանակի և եր դէմ ելեալ վասն մեղաց մերոց կու տառանիմք որպէս զայլս ծովու և մրրիկս հողմոց...²⁰

«И вот, недостающие [страницы] сего св. Евангелия были написаны в печальное и трудное время, когда усилились хондкарны и, добравшись, заняли до Дербенда. [Но] парона Симеона не смогли покорить; он истребил огромное множество всадников ромеев (=тюрков). Шесть лет он воюет и еще не сдался. В лето 1033 (=1584), в слограде, называемом Гори, под сенью обители Богородицы, при католикостве владыки Аракела, в царствование в Грузии парона Симеона, по просьбе богоугодного иерея, архиепископа Хачатура в память души своей, родителей своих—отца Шакара и матери, брата Вардана и всех родственников по крови, здравствующих и почивших, взрослых и малых вообще.

И дал он [эту рукопись] в неизгладимую память в свой родной край Мухран, в [деревню], называемую Кандой, на доброе пользование племяннику—диакону Киракосу. Да удостоит господь его чина священника и да позволит обладать им до глубокой старости. Аминь.

И покорно умоляю вас, о святые иереи, при чтении или встрече с этим св. Евангелием полным сердцем и щедрыми устами благословите паронтера Хачатура и духовного родителя паронтера Давида, а также родителей во плоти—отца и мать, сестер и братьев вообще. Аминь...

Я же, помраченный грехом [писец], именуемый Барсегом, прошу снисходительности за грубость и погрешности: на столько был способен...

Злые, ох, настали времена: из-за грехов наших трясемся как волны морские и вихрь бурь...»

²⁰ Рук. Матенадарана № 219, стр. 141г—142г. Записи того же писца имеются и на страницах 9г, 92v, 140v. Издание подлинного колофона рукописи см. «ԺԵ զարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ», մասն երկրորդ, կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան, Երևան, 1958, էջ 191—192:

В этой примечательной во многих отношениях записи архиепископ Хачатур назван *паронтэром*, т. е. постригшимся в монахи обладателем имения, родным краем (*բնիկ գաւառ*) которого является край Мухранский, а именно Канда²¹. Этот монашествующий феодал и его предки, по-видимому, давно утвердились в Канде, и Барсег его считает *բնիկ*'ом (коренным). За сто с лишним лет в новом поселении социальная неоднородность переселенцев стала еще сильнее. Став духовнослужителями, паронтэры Хачатур и Давид освобождали свои имения от налогообложения если не всецело, то хотя бы в значительной части. Видимо, не случайно племянник Хачатура Киракос, дьякон армянской церкви в Канде, также встал на путь паронтэрства. Кстати, архиепископ Хачатур, упоминаемый в записи после армянского католикоса Аракела, в другом колофоне того же писца назван «патриархом и архиепископом Грузии»²², т. е. армян в Грузии, а следовательно, он должен был быть и настоятелем монастыря в Ахпате²³. Нельзя за этим фактом не усмотреть культурную связь между армянскими поселениями в Грузии и Ахпата с ними (настоятель Ахпата заказывает рукопись в обители Богородицы в Гори для церкви в Канде). К сожалению, из-за отсутствия источников мы лишены возможности проследить дальнейшую историю кандийцев-армян, но она, должно быть, ничем не отличалась от истории и судьбы кандийцев-грузин, так сильно пострадавших от частых междоусобиц и особенно от турецких и персидских нашествий. Не меньше их разоряли и набеги с севера, которым они подвергались вместе с мухранцами и остальными жителями Самухранбатано.

²¹ Термин *բնիկ* (исконный, коренной, природный, родной) встречается также в сочетании с *ժառանգութիւն*. По мнению Н. Я. Марра, «Родовым наследием (*բնիկ ժառանգութիւն*) владели в армянской церкви священники и дети священников. Армянское духовенство в старину имело двоякого рода собственность, церковную и частную, унаследованную от предков (духовного же звания), т. е. родовую (*բնիկ* букв. коренную, природную, родную). Права духовных лиц подлежали известным ограничениям и в родовой собственности, но последняя была, по-видимому, неотъемлема от правопреемствующего рода владельца» (Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, I, СПб., 1899, стр. 294—295, прим. 3). В этом определении пересмотру подлежит положение о том, что владельцы «родовым наследием» непременно должны были быть священники—«дети священников», иметь предков «духовного же звания» (см. *Հ. Ս. Անասյան, Վարդան Այգեկցին որպէս համերաշխութեան գաղափարախոս, «Էջմիածին», 1969, է—Ը, էջ 52*). Родители архиепископа Хачатура не имели «духовного звания», но он был «паронтэром».

²² Рук. № 219, стр. 9г (*զհայրապետն տէր Խաչատուր Վրաստանի արքեպիսկոպոսն*):

²³ В нуждающемся в дополнении списке настоятелей Ахпатского монастыря Хачатур не фигурирует (см. *Կ. Ղաֆազարյան, Հաղթատ, Երևան, 1963, էջ 276*). Поскольку он упоминается в записи от 1584 г., то не является ли он непосредственным предшественником епископа Маттеоса (Матфея), занимавшего эту должность ранее 1586 г., т. е. в 1585 г.?

Имеющиеся в записи писца Барсега свидетельства по политической истории Картли всецело подтверждаются грузинскими и другими источниками, скрупулезно собранными и рассмотренными акад. И. А. Джавахишвили²⁴. Царь Симеон I (1556—1600гг.) воистину был неутомимым борцом против иноземцев и, вернувшись из девятилетнего персидского плена, в 1578 г. вновь встал во главе освободительной борьбы грузин. Армянский писец из Гори восторгается мужеством царя, которого занявшие страну до Дербенда неприятели «не смогли покорить: он истребил огромное множество всадников ромеев (=тюрков)»²⁵. Говоря о «шестилетней борьбе», он имеет в виду энергичные действия Симеона в 1578—1584 гг. За эти годы он «взял крепость Гори, занял Картли, Сомхити и Лорэ», выставил фактически капитулировавшего перед тюрками Давида XI (Дауд-хана), обратил в союзника колебавшегося между тюрками и персами царя Кахети Александра II и т. д. Все это обнадеживало писца («не смогли покорить»), находившего утешение в копировании рукописи в «печальные и трудные времена», «когда он, как и остальные картлийцы (и не только картлийцы), «тряслись как волны морские и вихрь бурь». «Всадники хондкара» после сражения в Чылдыре еще больше ожесточились, и сложилось такое положение, что Дауд-хан сам «сжег и покинул Тбилиси и отправился в Лорэ».

Кавтисхеви

Говоря о поселениях картлийской части правобережья Мткуари (Кура), Гюльденштедт отмечает, что этот край «поселен грузинами, местами (hiernächst)—армянами»²⁶. В каких именно названных им деревнях жили армяне, неизвестно, ибо автор не ставил перед собой задачи конкретизировать описание. Но ясно, что речь идет о тех деревнях, названия которых он счел нужным привести. К тому же Гюльденштедт знает, что армяне жили вместе с подлинными хозяевами края—грузинами, поэтому выражение «местами жили армяне» не значит, что были какие-то собственно армянские поселения. Как выясняется, в одной из указанных ученым-путешественником деревень, а именно в Кавтисхеви, как и в Ахалкалаки, Эзати и Дзегви, армяне действительно

²⁴ ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, ტ. IV, თბ. 1967, გვ. 270—275.

²⁵ Называя тюрков «ромеями», автор записи исходит из номенклатуры грузинской среды, где их зачастую называли ურუმ (урум) (см., например, в приводимых И. Джавахишвили excerptах из источников, указ. соч., с. 272—273). Влияние грузинской среды ощущается и в другой части записи: обращаясь к читателям своей рукописи, он просит: *იღორძი ზრამიასებე* (букв. прикажите), а это калька грузинского ბრძანებთ.

²⁶ Издание немецкого оригинала и грузинского перевода см. გულდენშტეტის მოგზაურობა საქართველოში, გამოსცა გ. გელაშვილმა, თბ., 1962, I, გვ. 272—273. Автор называет край «левобережьем», ибо исходит из своего местонахождения в Тбилиси.

ного комплекса, то дата—1593 г.—может быть отнесена и к церкви. Едва ли можно сомневаться, что стены сооружения были украшены и другими подобными хачкарами, а где-то над южным или западным входом имелась и надпись строительного содержания. Как бы то ни было, фигурирующая в надписи хачкара дата в известном смысле должна быть интерпретирована и как дата строительства.

Рис. 2.

Кто такие Давид и Чуениар, когда они оказались в Кавтисхеви и в силу каких обстоятельств,—по фрагментарной надписи установить нельзя. Однако нетрудно заметить, что как бы они ни старались придерживаться существовавших формул поминальных текстов-надписей (*բարեխաչ, ծնունդ, հալոյ*), влияния живой разговорной речи избежать им не удалось (*Դավիթն ծնունդացն, Չուենիարն հալոյն*). Написание имени *Դավիթ*, как нам представляется, опять-таки вызвано желанием придерживаться литературных норм, пусть даже ложных. Конечно, было бы проще объяснить его диалектным произношением, но закономерного перехода *ժ* в *դ* диалекты и говоры Восточной Армении не знают. Редким представляется и имя Чуениар; можно высказать предположение, что оно возникло в грузинской среде (ср. груз. ჩუენიარო). Если это так, то часть кавтисхевцев-армян переселилась сюда не из самой Армении, а из других армянских поселений Грузии.

Как уже говорилось, восточнее большой церкви находится второе культовое сооружение кавтисехвских армян—церковь «Квирацховели», над входом которой имеется «хачкар» с армянской надписью. Как и многие другие памятники мемориального зодчества XV—XVI вв., этот «хачкар» особой декоративностью не отличается: концы изображенного в центре креста разветвляются сплетающимися линиями и образуют

Рис. 3.

трехлепестковые орнаменты. Ожидаемого стилизованного древа жизни нет; оно заменено двумя розетками, расположенными по обеим сторонам нижней половины вертикального ствола креста, а в верхней части площадка отведена под дату. Крест с двух сторон обрамлен надписью, которая гласит (рис. 3):

ՇԻՆ-	ԹՎԿ. ՌԽԴ	ՀՈԳ[ՈՅ]
ԵՅԱԻ		ԻՄՈՅ՝
ՉԵԿԷ-		ԴԱԻԹ-
ՂԵՑ-		ԻՆ, ԹԱ-
ԻՍ ԵԻ		ԲՂՈԻՄ
ԿԱԿՆ-		ԱՂԻՆ, ԱՍ-
ԵՅԱԻ		ԱՏՈՒՐԻՆ,
ՁԽ-		ԱՐԲԱՅԻՆ,
ԱՉՍ		ՄԱԹՈՅԻՆ,
		ԽԱՉԱՏ-
		ՈՒՐԻՆ,
		Յ(ԻՍՈՒՍ):

Перевод: «В лето 1044 (=1595). Построена сия церковь и водружен сей крест [в память] души нашей—Давида, Таргум-аги, Асатура, Аркая, Мато, Хачатура. Иисус».

О перечисленных в надписи ктиторах в известных нам грузинских и армянских источниках нет сведений, поэтому мы лишены возможности предложить какую-либо идентификацию. Возможно, подлинный инициатор строительства—Давид, который сначала упомянул себя, а затем перечислил остальных членов ктиторской группы. Он идентичен Давиду предыдущего хачкара 1593 г. Несомненно то, что все они не церковнослужители, ибо нет указаний на их духовный сан, а некоторые названные имена не являются календарными (Таргум-ага, Аркай), традиционные же имена представлены в так называемом простонародном варианте (Асатур вместо Астуацатур, Мато вместо Маттеос). Не подлежит сомнению также и то, что это жители Кавтисхеви, обладавшие материальной возможностью для строительства второй церкви, пусть небольшой, в которой они нуждались в силу своей немалочисленности²⁸.

Входящие в удельные владения (сахасо) сравнительно крупные поселения управлялись назначенным царем моуравом, которому подчинялись и местные мамасахлиси. В грамоте царя Ростомы от 1656 г. специально оговорено, что без ведома моурава в Гори не может быть ни судебного разбирательства, ни военного похода («лашкреба»), ни охоты, ни тем более поселения пришельца²⁹. Видимо, последнему обстоятельству придавалось большое значение, ибо в период образования трех самостоятельных грузинских царств (картлийское, кахетинское и имеретинское) новые административные единицы нуждались в организации стабильного военного «садрошо», а частые переходы крестьян от одного землевладельца к другому служили помехой. О присутствии моурава в Кавтисхеви мы узнаём из грамоты царя Симеона от 1581 г.³⁰, который в том же году освобождает кавтисхевцев от податей, за исключением «службы двору» и «сататро саури»³¹. Наличие достаточно большого количества документов разного содержания, относящихся к Кавтисхеви³², служит подтверждением того, что поселению придавалось важное значение. Это было вызвано прежде всего экономической, военно-политической и культурной значимостью Кавтисхеви. Надо учитывать, что деревня кратчайшим путем была связана с Нижним Картли, в частности с Манглиси³³, находилась в средней части расстояния между Тбилиси и Гори, была окружена поселениями

²⁸ Собственное имя *Таргум-ага* не дает оснований судить о социальной принадлежности носителя, ибо *ага* часто выступает как неотделимый компонент антропонима, прилагаемый без учета его социального содержания.

²⁹ См. აკ. კლიმიაშვილი, მასალები..., გვ. 129.

³⁰ «ართლო-სპარსული ისტორიული საბუთები», გამოსცა ვ. ფუტურიაძემ, თბ., 1955, № 6.

³¹ „მასალები ს.ქ. ისტ. გეოგრაფიისა და ტოპონიმ-კასეთ-ს“, 1, თბ., 1960, გვ. 116.

³² Перечень см там же, с. 115—116.

³³ Б. ზვინაძე, ს.ქ. ისტ. საქ. 1, 32.

«сахасо» (напр. Хандаки), защищена крепостью. Неслучайно в период нахождения царя Симеона в плену у персов царская семья пребывала в Кавтисхеви, и хотя она была ограблена протурецки настроенными ренегатами, верность кавтисхевцев Симеону не была поколеблена, как об этом свидетельствует неоднократно пересказывающийся в грузинских источниках эпизод беседы царя с крестьянкой из этой деревни³⁴.

В предшествующем появлению армянской надписи десятилетия «царь Симеон повел энергичную войну против Турции. Уже на третьем году после возвращения он почти совершенно очистил картлийские города и крепости от турецких гарнизонов»³⁵, тогда же он «вступил в Месхети», а затем «задался целью присоединить Западную Грузию»³⁵. По меткому выражению Н. А. Бердзенишвили, «крепости были заняты османами, страна же—царем Симеоном»³⁷. Видимо, именно в эту «мирную передышку» царь проявил заботу об умножении населения картлийских деревень, столь пострадавших в годы войны, чему немало способствовал его брат Дауд-хан, перешедший впоследствии к туркам³⁸.

Надежность армян в борьбе с турками не могла вызывать сомнений, ибо «пришельцами»-то они стали из-за разорения их собственной страны теми же турками. Умножение населения Картли переселением армян одновременно делало возможным противостояние тем местным элементам, которые служили опорой Дауд-хану в его борьбе за власть в Картли. Одновременно следует иметь в виду и экономическую сторону вопроса. «Истребление масс во время нашествия Темур-Ленга,—писал И. А. Джавахишвили,—затем внутренняя борьба, межбратственное кровопролитие и падучая болезнь, как было отмечено, значительно сократили население Грузии. В таких условиях Грузия больше не могла по-прежнему интенсивно обрабатывать свою землю, и многие опустошенные места опять-таки остались безлюдными. Поэтому в документах этого периода, наряду с именами города, деревни, пудзе, дома и виноградника появляются и часто встречаются термины *накалакеви, насоплари, напудзари, насахлари, навенахари, партахи* (т. е. место

³⁴ ქ. ც., II, 369, 378, 515, 534; ქ. ც.: IV, 409, 416—417. В Кавтисхеви находился «дворец с церковью и удобствами», подаренный католикосом Давидом Махарабелу Магаладзе в 1470 г. (см. ქ. ს. ძ., III, 213).

³⁵ Б. ბერძენიშვილი, указ. соч., т. II, с. 108.

³⁶ Там же.

³⁷ Б. ბერძენიშვილი, указ. соч., т. VI, с. 200. Турецкий историк Мустафа Селяники, очевидец и участник этих событий, рассказывает об укреплении четырех крепостей—Тбилисской, Горийской, Дманисской, Лорийской (турецк. текст и груз. перевод см. გ. თუთუჩიძე, მუსტაფა სელიანიძის საქართველოს შესახებ, თსუ შრომები, ტ. 91 (არმ. სერია), თბ., 1960, გვ. 269—270).

³⁸ О Дауд-хане и его прибытии в Стамбул см. у М. Селяники (указ. соч., с. 267—268).

бывшего города, села, пудзе, поселения, виноградника; развалины,— П. М.) и другие подобные»³⁹. Следовательно, привлечение новых поселенцев, их закрепление в деревнях царского домена отражало политику грузинских царей и их стремление к налаживанию экономической жизни страны. В частности, в Кавтисхеви поселялись выходцы как из разных областей Грузии⁴⁰, так и из северной Армении, доказательством чего является строительство армянских церквей, о надписях которых идет речь. В поисках новых поселенцев обращение к армянам южных областей Грузии и собственно Армении представлялось надежным шагом, ибо армяне хранили вековые традиции обработки земли, были искусны в ремеслах и, лишенные государственности на родине, сами нуждались в поддержке грузинских правителей. Тут уместно вспомнить слова армянского историка XV в. Фомы Мецопеци о том, что при поражениях грузин «мы оставались замолкнувшими перед неверными, ибо, постоянно надеясь на грузин, гордились [ими] мы среди неверных»⁴¹.

По имеющимся документам и свидетельствам иных источников можно проследить, хотя бы в общих чертах, дальнейшую историю Кавтисхеви, но это не входит в нашу задачу. Укажем лишь, что 21 сентября 1653 г. в этой деревне побывал Арсений Суханов и сделал следующую запись: «В 21 день ездил в монастырь, зовомый Кафтискеви, смотреть мощей. Монастырь тот чудное строение церковное, камене редкое снаружи, стоит между двух гор высоких; строение было гораздо велико, все развалилось, только церковь чудная перечистыя Богородицы...»⁴² Из «Дастурламали» царя Вахтанга VI известно, что с. Кавтисхеви оставалось собственностью царского двора («сахасо») до первых десятилетий XVIII в. включительно⁴³, хотя там имел крепостных и картлийский католикосат⁴⁴. И в этот период деревня была многолюдной, ибо в ней одновременно назначалось несколько должностных

³⁹ ივ. ჯავახიშვილი, ქართველთა ისტორია, ტ. IV, გვ. 181—182.

⁴⁰ „მასალები...“, გვ. 116.

⁴¹ «Են ուստի մեր հանապազ լոյս ի վրացիսն ունելով պարծեաք ի մէջ անորինաց, յայնմանէ յուսահատեալ առաի անորինացն արիբերան եղաք» (თომა მეწოფელი, გვ. 29).

⁴² См. იასე ცინცაძე, ვასილ გაგარასა და არსენ სუხანოვის ცნობები საქართველო შესახებ, თბ. 1965, გვ. 64.

⁴³ ქ. ს. ძ., II, 260, 305 (в «сахасо» было всего 25 «комли»—семей).

⁴⁴ ქ. ს. ძ., III, 783. В документах нередко поименно названы люди из Кавтисхеви (напр., в дарственной грамоте Вахтанга VI от 1710 г., см. ქ. ს. ძ., II, 329), но по именам и фамилиям нельзя определять их национальную принадлежность, ибо это может привести к неверным заключениям. Так, Татаришвили Гаспара (ქ. ს. ძ., III, 783) по фамилии должен быть огрузинившимся татарин, а по имени он армянин. Армянская и грузинская ономастика XV—XVIII вв. крайне плохо исследована, поэтому вопрос этнической принадлежности должен ставиться с большой осторожностью.

чика, то ли из-за отсутствия достаточного места (или своеобразия текста) в надписи нет предшествующего слову հոգ[ոց] ожидаемого пояснения—*վանն, ի փրկութիւն, ի յիշատակ*. Вместо հոգոց իմոց резонно было ожидать հոգոց մերոց. Видимо, мы тут имеем дело не с ошибкой резчика, а с множественным осмыслением իմ'а прибавлением показателя числа—*ոց*.

Из сел картлийского правобережья Куры, кроме Кавтисхеви, как было отмечено выше, армяне жили также в Дзегви, Ахалкалаки, Эзати и др. По переписи 1915 г. в Дзегви было 2037 душ, «состоящих из грузин и армян, занимающихся хлебопашеством и садоводством», Ахалкалаки же—«большое селение со смешанным грузинским и армянским населением, численность которого в одних Ахалкалаках, не считая предместий, достигает 7484 душ»⁴⁸. В обоих этих селах, разумеется, существовали и функционировали культовые сооружения, но памятников армянской эпиграфики, насколько нам известно, не сохранилось. Из одного армянского колофона 1752 г. и надписи на окладе рукописи⁴⁹ известны имена и отчасти деятельность некоторых ахалкалакцев, позаботившихся об обновлении и сохранности армянской рукописи⁵⁰. В Эзати (старое название—Чивант убани) также нет надписей, если таковой не считать двуязычную эпитафию Нинуцы, похороненной у восточной стены грузинской церкви⁵¹. Однако учет сообщений грузинских документов XV—XIX вв. в сопоставлении с многочисленными эпитафиями из Кавтисхеви, Дзегви, Ахалкалаки, Эзати и других сопредельных поселений позволяет проследить, пусть в общих чертах, этнокультурную историю армян этой части картлийского правобережья Куры. История местного грузинского населения и переселенцев-армян так сильно переплелась, что нет даже надобности разыскивать специальный источник об армянах. Существующие грузинские источники (в том числе эпиграфические) вполне достаточны для исследования истории края и его населения.

⁴⁸ Л. Меликсет-Беков, Поездка по Горийскому уезду, с. 4—5.

⁴⁹ См. *Պ. Մուրադյան, Հայաստանի վրացերեն արձանագրությունները, Երևան, 1977, էջ 253—256*.

⁵⁰ В надписи говорится: «Сие св. Евангелие—в память об ахалкалакце причетнике Бежане, родителях [его] Тамазе и Марех, дяде Горги и братьях Паремузе, Мураде, Овселе, сестрах Дареджан, Тинатин, Ани и сыновьях Горги, Саркисе, Габриэле и [дочери] Мариам. Кто прочтет—помяните нас. В лето 1752. Мисхалов 160. Принадлежит Дзамуевым. Касум» (там же, с. 254).

⁵¹ Надгробие наполовину ушло в землю. В обозримой части по бокам камня читается: «Այս է գերեզման ազնուհի Նինուցայի, որ է դուստրը Զաչանուսի Զրկեցաւ 27 ամաց հասակըն՝ անտես թողնելով քաղցրիկ Աղաչանին... վախճանեցաւ 1875 ամի. 27-ն օգոստոսին» — «საფლავსა შინა მდებარე ვარ კეთილშობილი ნინუცა იონებ ჯაჯანოვის ასული, აღეჯან მათეუზოვის მეუღლე...».

ՎՐԱՍՏԱՆԻ ՀԱՅԵՐԵՆ ՎԻՄԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

Բաճախից. գիտ. քնննածու Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո փ ա լ մ)

Վիրահայոց պատմությունը տակավին ուսումնասիրված չէ, որովհետև այդ աշխատանքին նախորդելու է պատմիչների վկայությունների, ձեռագրական հիշատակարան-հիշատակագրությունների, վավերագրերի ու մանավանդ վիճակական արձանագրությունների ի մի ամփոփումն ու քննություն-լուսաբանությունը: Ընդ որում՝ այդ ամենը վերաբերում է և վրացական աղբյուրներին, քանի որ վիրահայկական խառը բնակություն ունեցող բնակավայրերի անցյալն անկարելի է տարանջատել երկրի կամ տվյալ գավառի քաղաքական, սոցիալական, մշակութային ու էթնիկական պատմությունից:

Ներքին Քարթլիի («Շիրզա Քարթլի», «Վերին աշխարհ Վրաց») արևելյան հատվածում, Կուրից հյուսիս և հարավ գտնվող Քանդա և Կավթիսիկի բնակավայրերի հայերեն արձանագրությունների վերծանության շնորհիվ պարզվում է, որ հայերն այնտեղ հաստատվել են XV—XVI դդ. և բավական նշանակալի թիվ են կազմել՝ ձեռնամուխ լինելով պաշտամունքային կառույցի հիմնադրման: Դրսեկ թշնամու ասպատակությունների ու բաժնետիրական կազմավորումների հաճախակի ընդհարումների պատճառով Քարթլիի շատ բնակավայրեր ամայացել էին և կամ սակավաբնակ դարձել, ուստի վրաց արքունիքն ու էրիսթավները վերաբնակեցումով փորձում էին ընդդիմանալ երկրի քաղաքական ու տնտեսական անկմանը: Հարկադրյալ թողնելով իրենց բնօրրանը, հայերը ալիք առ ալիք հաստատվում էին Քարթլիում, ուր նրանք հնարավորություն էին ստանում ղբաղվելու թե՛ ավանդական հողամշակույթամբ և թե՛ առևտրով ու արհեստագործությամբ: Դավանական և մշակութային առումով վերաբնակածների համայնքները որևէ խտրականության չէին հանդիպում, այդ իսկ պատճառով էլ նրանց միջավայրում գոյանում էին գրչության նոր օջախներ, կանգնեցվում խաչքարեր և կառույցներն օժտվում հայագիր արձանագրություններով:

Սույն հոդվածում վերծանվում և քննության են առնվում Քանդայի և Կավթիսիկի երկու շինարարական և մեկ հիշատակագրային արձանագրություն.

1. «Ի քվին Հայոց ՋԻ: Ես՝ ալէր Աստուածատուրս և որդիս իմ հաչատուրս, և Դաւիթ և հոգէոր առ սուրբ աստուածս եղբարքն իմ, որս է Սարգիսն, Սարկաաբն և Ամի... էլս շինեցաք սուրբ Աստուածածինս վասն հոգոց մերոց և ծնողացն: Ամէն» (Քանդա):

2. «Թվին Ռեմ: Սուրբ խաչս բարէխասս է Դաւիթն ծնողացն, Զուենիարին հաւրն Ս...»:

3. «Շինեցաւ գեկեղեցիս և կակնեցաւ զխաչս հոգոց իմոց՝ Դաւթին, Թարդում աղին, Ասատուրին, Արֆային, Մաթոյին, հաչատուրին: Յիսուս» (Կավթիսիկի):

Արվեստագիտական առումով Կավթիսիկիի հայոց ավերակ եկեղեցին ու նրա խաչքարը որոշակի հետաքրքրություն են ներկայացնում: Մասնավորապես եկեղեցին նշանակալիորեն առանձնանում է վիրահայոց այլ բնակավայրերում պահպանված պաշտամունքային ուրիշ կառույցներից: